

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-26-59

УДК 39(=511.2)

Е. В. Первалова

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9480-715X
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

Т. С. Киссер

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9246-2787
E-mail: tkisser@bk.ru

**Как написать портрет народа?
(о роли и миссии этнографа)***

АННОТАЦИЯ. Этнографы и антропологи давно и активно дискутируют о роли исследователя в судьбе изучаемого народа. В статье изложена позиция-интервью по этому вопросу ученого-путешественника, выдающегося этнографа, широко известного в академических кругах России и мира, А. В. Головнёва. Главное место в его научной жизни занимает Арктика, ставшая долговременным полем познания народов и культур и полигоном отработки новых научных методов. Самой яркой чертой арктических культур он считает высокую мобильность, позволяющую кочевникам охватывать огромные пространства и осваивать тундровые ресурсы, предоставляющую власть над своей судьбой и свободу в принятии решений. Основную свою задачу как исследователь-этнограф А. В. Головнёв видит в написании портрета народа посредством слова (книг) и искусства (кино). Залогом «совместного успеха» считает «хорошее партнерство» и ощущение себя частью народа, а главной миссией — трансляцию знаний и передачу интересов народа, пробуждение в людях дополнительного внимания к их истории и традициям, открытие в культуре народа того, что может стать ключом к мировым проблемам и перспективам. В статье также представлены интервью и высказывания главного героя исследований А. В. Головнёва — ненцев. Они высоко его ценят и считают, что он «открыл ненецкий мир», неслучайно один из ненецких лидеров называет его «главным ненцем России». Это признание *своим* у народа, которому посвящены многие экспедиции, научные работы и экспертизы, фильмы и песни.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : этнография,
наука, ненцы, кочевники Арктики,
экспедиции, А. В. Головнёв

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Первалова Е. В.,
Киссер Т. С. Как написать портрет
народа? (о роли и миссии этнографа).
Этнография. 2023. 1 (19): 26–59. doi
10.31250/2618-8600-2023-1(19)-26-59

---

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А. В. Головнёв), <https://rscf.ru/project/22-18-00283/>.

E. Perevalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9480-715X
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

T. Kisser

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9246-2787
E-mail: tkisser@bk.ru

How to Create the Portrait of the People? (on the Ethnographer's Role and Mission)

ABSTRACT. Ethnographers and anthropologists have long and actively debated the role of the researcher in the lives of the people under study. The article presents a position interview by the researcher, traveler, and one of the leading Russian and world ethnography experts, Andrei V. Golovnev. His research career is intrinsically connected to the Arctic, the region where he conducted most of his fieldwork and which has become a testing ground for new study methods. Golovnev believes that the main feature of Arctic cultures is their high mobility, allowing the nomadic people to cover vast areas and utilize tundra resources, their power to decide their destiny, and freedom in decision-making. Golovnev views the creation of the people's portrait through words (books) and art (movies) as his main task as an ethnographer. He considers good partnership and feeling part of the people the key to combined success. He describes his mission as communicating knowledge, advocacy, drawing attention to the people's history and traditions, and discovering the keys to global problems and perspectives in indigenous communities. The article also includes interviews and statements of Golovnev's research subjects, the Nenets. Some say that he "discovered the Nenets' world", and one of the Nenets leaders calls him "the main Nenets of Russia". This recognition of the ethnographer by the members of the community he studied as being one of *their own* stems from a great many expeditions, research and expertise, documentaries, and songs.

KEY WORDS: ethnography, science, Nenets, Arctic nomads, expeditions, Andrei V. Golovnev

FOR CITATION: Perevalova E., Kisser T. How to Create the Portrait of the People? (on the Ethnographer's Role and Mission). *Etnografia*. 2023. 1 (19): 26–59. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-26-59 (In Russ.).

Как нас, этнографов, воспринимают народы, историю и культуру которых мы изучаем? Вопрос непростой. Хотелось бы, чтобы мы для них были, по меньшей мере, достойными интерпретаторами. Ну, а быть признанным *своим* у народа, которому посвящены многие экспедиции, научные работы и экспертизы, фильмы и песни — огромная честь для этнографа. Мы знаем ученых, заслуживших «народные» имена-прозвища и звания. Среди них, например, В. Н. Чернецов, которого манси называли *Лозум-хум* (Лозьвинский человек). Такие в старину имена давали героям-богатырям, а затем и знатокам-исследователям. «Главный ненец России» — так назвал ведущего в мире исследователя самодийских народов, этнографа Андрея Владимировича Головнёва один из старейших лидеров ненцев Сергей Николаевич Харючи. В этом дружеском прозвище-статусе заключены доверие народа и сопричастность к его культуре.

Самый авторитетный старейшина и лидер ненцев Сергей Харючи в шутку называет меня «главным ненцем России». Горжусь этим дружеским прозвищем, но понимаю, что дело не столько в моих этнографических достижениях, сколько в этнической щедрости северян. Точно так же Анна Неркаги завела для меня олененка в своем стаде, а Едэйко Окоэтто повязал мне пояс своих предков перед поездкой на главное ненецкое святилище Семи Чумов (Головнёв 2022: 394).

Андрей Владимирович Головнёв¹, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, широко известен как специалист в области этнографии, этнологии, исторической антропологии. Главное место в его научной жизни занимает Арктика, ставшая долговременным полем познания народов и культур и полигоном отработки новых научных методов. Более 45 лет исследований включали полевые работы на Ямале, Таймыре, Гыдане, Полярном Урале, Русском Севере, Чукотке, в Югре, Якутии, Скандинавии, на Аляске и в других областях Арктики и Субарктики. Самой яркой чертой арктических культур А. В. Головнёв считает высокую мобильность, позволяющую кочевникам охватывать огромные пространства и осваивать тундровые ресурсы. Именно этнография

¹ Российский этнограф и антрополог, специалист по истории и культуре народов Северной Евразии, кинорежиссер, бард. Доктор исторических наук (1995), профессор (2000), член-корреспондент Российской академии наук (2003), член-корреспондент Германского археологического института (2020), лауреат Государственной премии РФ в области науки и технологий за вклад в изучение культурного наследия Арктики (2019), лауреат премии Смитсоновского института США (1994), лауреат премии им. М. В. Ломоносова Администрации Архангельской области (2013) за цикл фундаментальных работ в области этнографии и культурной антропологии коренных народов Севера. Кавалер ордена Полярной звезды Монгольской Народной Республики, медалей «За сохранение Арктики» Ямало-Ненецкого автономного округа, «За верность Северу» Ассоциации коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Арктики дала начало новой теории — антропологии движения, которая является одновременно методологией исследования и технологией применения научных знаний (Головнёв 2009). «Взгляд из Арктики» открыл северность России как ее стержневую идентичность, обусловленную географией и историей, разработанные А. В. Головнёвым теоретические и практические концепты дают ключ к пониманию и решению проблем миграции, адаптации, межнационального взаимодействия, выработки стратегий освоения арктических территорий (Головнёв 2022).

Широта и разносторонность интересов позволяет поставить Андрея Владимировича Головнёва в ряд замечательных ученых-путешественников и классиков этнографии, первопроходцев в науке, умеющих видеть, понимать и чувствовать культуру изучаемых народов. Как написал в предисловии к монографии А. В. Головнёва «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров» (1995) чл.-корр. РАН Сергей Александрович Арутюнов:

Не каждому этнографу удастся так глубоко и полно испытать из колодца знания культуры, которые он изучает... Не каждому удастся так много пройти пешком по трудным тундровым и таежным тропам, войти в чум, умирая от голода и усталости, разделить с хантами, ненцами, селькупками, эвенками их стол и кров; не изредка, а систематически смотреть на мир их глазами, слышать звуки окружающей природы их ушами и видеть их сны, засыпая в их спальных мешках (см.: Арутюнов 1995: 3).

14 марта 2023 г. Андрею Владимировичу исполнилось 65 лет. В качестве статьи к его юбилею мы решили подготовить не «классическое» биографическое представление, а взяли у юбиляра интервью и предложили написать о нем по несколько строк главному герою его исследований — ненцам: тем, кто дружен с ним, и тем, кто ездил с ним в экспедиции, участвовал в реализации его масштабных научных и творческих проектов, тем, кто делал с ним кино и новые музейные экспозиции. И они откликнулись мгновенно. Кто-то емко высказался в нескольких предложениях, кто-то решил поделиться давно ставшими дорогими воспоминаниями.

НАЧАЛО: ОБ УЧИТЕЛЯХ, ПЕРВЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ И ИНТЕРЕСАХ

Андрей Владимирович, Ваша первая экспедиция к ненцам? Это был Ямал, Гыдан, Таймыр?

Первая экспедиция к ненцам была с Владимиром Ивановичем Васильевым на Таймыр в 1977 г. Случилась это довольно неожиданно. Владимир

Иванович по дружбе с Николаем Аркадьевичем Томиловым приехал на конференцию в Омск. Я выступал в числе других студентов. Он запомнил меня.

На какую тему был Ваш доклад?

Я рассказывал про кондинских манси. Васильеву выступление очень понравилось. Нас познакомили. Мы договорились, что я еду с ним в экспедицию. Кроме того, была еще история, которая связана с моим отцом, Владимиром Яковлевичем. Будучи в Москве, он зашел в Институт этнографии к Зое Петровне Соколовой. Просто взял и зашел. Рассказал ей, что у него есть сын, который интересуется Севером. К тому времени я действительно уже совершил свою первую поездку к кондинским манси. Отец очень хотел, чтобы я сотрудничал с московским институтом. Зоя Петровна сказала: «Конечно, с удовольствием, но я уже не езжу в экспедиции, может Вашему сыну удастся поехать с кем-то другим из нашего института». Разговор состоялся и договоренность осталась, но она как-то растворилась во времени, хотя позже Зоя Петровна вспоминала о встрече с моим отцом.

Владимир Иванович Васильев — это самостоятельная линия. В экспедицию на Таймыр я по согласованию приехал первым и встречал прибывшую поездом московскую группу, которая состояла из В. И. Васильева, художника В. А. Масленникова и направлявшегося в Туруханск В. Лебедева. Как мне потом рассказывали, в поезде москвичи рассуждали, что за человек, как он себя поведет, будет ли он частью экспедиции, станет ли своим в этом маленьком отряде. И запомнился я этим уже взрослым ребятам тем, что, встречая их, подошел к вагону, сразу взял два рюкзака и понес, и они сразу поняли — «это то, что надо».

Как проходила первая экспедиция?

Мы начали с Дудинки, работали в архиве. Тогда я получил навыки выписок из архивных метрик. Первая практика по составлению генеалогий дополнялась похозяйственными книгами и интервьюированием относительно родства и свойства. Мы занимались не только этнической историей, но и составлением схем под генетические исследования. Этим активно занимались Васильев, Симченко и другие известные этнографы при сотрудничестве с генетиками из Новосибирского института цитологии и генетики во главе с Ремом Сукерником. Меня предполагалось поставить на исследование генеалогий тунгусов (эвенков).

Эта первая закладка научной работы мне пригодилась, но косвенно. Я никогда не специализировался на этой теме и не издавал ничего, посвященного генеалогиям. Однако когда владеешь знанием о генеалогиях,

Рис. 1. Экспедиция на Таймыр (научный руководитель В. И. Васильев, студент А. В. Головнёв). Фото В. Масленникова, 1977 г.

Fig. 1. Taymyr expedition. Scientific director: V. Vasiliev, student: A. Golovnev. Photo by V. Maslennikov, 1977

легко разговариваешь с людьми, расспрашиваешь их о родственниках, это людям близко и всегда располагает. Впрочем, иногда они думают, что ты слишком много знаешь и можешь исполнять какие-то спецзадания от служб. Такие реакции, например, мне встречались у старообрядцев. Много вопросов — это то, что вызывало подозрение, граничащее с раздражением. На Севере люди более свободны. Северяне открыты всегда. Знание генеалогий послужило паролем для входа в тему и было прекрасным поводом для завязывания знакомств. В родстве — основа этнической истории. Я на зубок знал все фамилии, все родовые названия и обычаи, связанные с соблюдением экзогамии. Экзогамные системы у северных народов очень разные: например, пятиродовая у нганасан, дуальная у ненцев, какая-то сложная, по предположениям Соколовой, тоже дуальная, у хантов и манси — как раз эта гипотеза вызывала критику с моей стороны. Это для Севера очень важно, этим я всерьез увлекся.

Сюжеты происхождения ненцев и энцев также были завязаны на родовые и фратриальные деления, на этнонимику и названия родов, на сопоставление этих названий с южными самодийцами. На этом строилась вся генетическая схема В. И. Васильева, с которой у меня вышли рассогласования. И в конце концов я, его ученик, пришел к противоположной

трактовке (это его не радовало, но так уж случилось). Он считал, что самодийцы боевым маршем проследовали с Алтая в западносибирскую тундру. А я, как полевик, не мог себе представить, как это могло случиться, что это за отряды оленеводов шли сквозь буреломы тайги, поскольку реально своими ногами ходил по этой тайге и тундре и различал, где можно пройти оленям и большим группам самодийцев, а где — нет. Этногенетика во многом строилась на этнонимике: *Тёр–Чор–Шор*, *Харючи–Карачей* и т. д. Сопоставления, которые иногда выглядели лихо, но амбивалентно, многозначно, допускали толкования. Этот первый опыт сбора генеалогий послужил основательной школой для меня: от практики знакомств до крупных теорий.

Значит впервые с ненцами Вы познакомились на Таймыре?

Да, на Таймыре. Именно там, на Енисее, от Дудинки и ниже, вплоть до Троицка, достаточно плотно проживали ненцы, они были смешаны с энцами. Сравнение двух народов было одной из стоявших перед нами исследовательских задач. Мы буквально вышелушивали данные из собранной информации, разделяя ненецкие, энецкие и смешанные фамилии. Владимир Иванович Васильев, вслед за своим учителем Б. О. Долгих, был крупным, если не сказать, единственным специалистом по энцам. Так что его профиль — энцы — дополнялся профилем, который формировался у меня, — ненцы.

После первой экспедиции на Таймыр одна за другой следовали полные впечатлений и новых открытий экспедиции на Ямал, Гыдан, Полярный Урал. Исследования самобытной ненецкой культуры стали главной темой научных изысканий молодого ученого. «Начинал я среди кочевников тундры — ненцев, они являются моими наставниками в отношении моих первых этнографических опытов», — признавался А. В. Головнёв в одном из интервью².

Почему ненцы? Так сложилось или они показались Вам близкими по духу?

Не сказал бы, что я выбирал. Следующая моя экспедиция также прошла у ненцев. Это был Кутопьюган, 1978 год. Там я был один. И тогда пришел к выводу, что лучшая экспедиция — это экспедиция в одиночку. То была очень сильная экспедиция со всеми прелестями арктических поездок — долгими ожиданиями, наблюдениями за белыми ночами

² Андрей Головнев: «Кайф от движения и кочевья — это особая философия жизни». URL: <https://spbndnevnik.ru/news/2020-06-25/andrey-golovnev-kayf-ot-dvizheniya-i-kochevya-eto-osobaya-filosofiya-zhizni> (дата обращения: 01.12.2022).

(кстати, тогда была написана песня «Белая ночь»). Тамошные ассоциации — безмолвие белой ночи, блекнет фонарь, странные ощущения ни сна, ни полусна, но живой пустоты. Постепенно я адаптировался к Арктике: научился спать в любые ночи и дни, пить теплую кровь...

Кутопьюган в те времена был глубинкой, где прямо в поселке жили удивительные сказители. Один из них — Иван Неркыгы, от него я записал чудесные варианты ненецкого эпоса. Люди там были очень знающие. Но было столько комаров, что работать невозможно. Это южная лесотундра, южный берег Обской губы, летом там невероятное количество насекомых. Дверь в комнате, где я поселился, закрывалась плохо, и если оставалась хоть маленькая щелка, то за мгновение налетала полная комната комарья.

В этой же экспедиции мне удалось испытать самые яркие рыболовные впечатления. Меня пригласили на рыболовный стан Ярцанги, неподалеку от Кутопьюгана. С принимавшими меня Атели Анагуричи и Ньюбито Неркыгы мы ловили осетров. А они были такие огромные — не утащить. Одному я перегнул голову и, взяв за жабры, нес через плечо, его хвост волочился по земле, осетр был больше меня ростом.

Там же мне пришлось пройти инициацию. Осетра разделали, достали сердце и сказали, что это самое вкусное, и дали мне попробовать. Я растеряно стоял и не знал, как быть. Сердце большое. Я надкусил его и меня всего обдало кровью, забрызганы были и лицо, и одежда. Все стойбище ухохатывалось по этому поводу. Сердце осетра следовало надрезать ножом, а не надкусывать.

Я тогда многое узнавал впервые. И очень хорошо узнавалось. Когда ты один, тебе больше нечем заняться, кроме как интересоваться и побольше узнавать, а затем переваривать все эти впечатления. После поездки на надымскую сторону я вернулся неплохим знатоком ненецкой культуры. Поездка длилась больше месяца. Это была настоящая полевая этнографическая экспедиция. Никаких больших задач я для себя не ставил, но погружение состоялось.

У меня остались очень светлые впечатления о Кутопьюгане. Я так много о нем рассказывал, что позднее мой спутник по дальнейшим экспедициям Вадим Гриценко целенаправленно поехал туда работать учителем.

Следующая экспедиция была на Гыдан как раз с Вадимом Николаевичем Гриценко. Вы были руководителем группы?

Да, следующая экспедиция была на Полярный Урал и полуостров Гыдан. Это был 1979 год. Нам удалось взять с собой кинокамеру.

На Полярный Урал мы выехали втроем — я, Вадик Гриценко и Игорь Белич. Выехать помогла кинокамера. Мы пришли в сельскохозяйственный

отдел Ямало-Ненецкого автономного округа, а на плече у кого-то из нас висела сумка с надписью «Kino». Нас хорошо приняли, сказали, что ждут и вертолет будет уже завтра. Мы не стали отказываться. Получилась гоголевская сцена — «хлестаковщина»: нас приняли за других. И благодаря этому мы улетели в неизвестном направлении и оказались почему-то на Полярном Урале у коми-ижемцев. Мы не планировали поездку к коми-ижемцам, но — спасибо случаю, нам удалось познакомиться с их культурой очень близко. Там мы жили, занимались этнографией и что-то снимали. Затем пешком вышли к железной дороге Воркута–Ленинград, добрались до Салехарда, а оттуда на теплоходе «Механик Калашников» двинулись опять же в неизвестном направлении, приметив на полуострове Гыдан конечную остановку Антипаюта. На корабле было фортепиано, я на нем играл. Мы были молоды и полны смелого энтузиазма.

Из этой экспедиции фотографии, где студенты Головнёв и Гриценко «дрейфуют» на льдине?

Да. Это было на Гыдане. В Антипаюте мы остались с Вадиком вдвоем. Сначала работали с людьми в поселке и чуть не сожгли сельсовет, так как плитку не выключили.

Там были чудесные опыты. Я погрузился в фольклор. Однажды мы позвали на беседу двух ненцев, точнее — одного сказителя, а с ним пришел сопровождающий, который был вторящим (*тэлангода*). Они пришли к нам в комнату. На столе стояло блюдо с парой килограммов масла. Пока Садко Ядне исполнял сказание, вторящий съел почти все мало (ненцы любят масло и олений жир, всю жирную пищу считают вкусной). Нам было не жалко масла, но мы волновались: все ли закончится хорошо.

Затем нам удалось перелететь в Гыду. Скоро туда пришла пэтээска, которая отправлялась в обход ненецких рыболовецких бригад по островам на Явайсале, это самый кончик Гыданского полуострова. Нас высадили на Няхар-Яху без всякого плана. Но нас, молодых этнографов, это не очень волновало — наладится. Это «как-нибудь» стало хорошим планом полевых исследований. Мы двигались за событиями. В Арктике расписание не работает. Лучше не планировать, а полагаться на попутный ветер. Работали по точкам, подружился с местными ребятами. Среди них был изумительный сказитель Лёня Лапцуй. Его уже нет в живых, но он был потрясающим рассказчиком. Он делал это с великим удовольствием и долго сидел с нами над переводами. В конце концов они с Евадё Оковаем, еще одним моим другом, сами научились записывать фольклор. А на нашей технике это было непросто: для чистоты звука надо было отладить магнитофон, поджать кассету спичками. Все это они научились делать самостоятельно, хотя в первое время удивлялись даже простой отвертке.

Прекрасно помню из той экспедиции двоеженца Пудако Салиндер. Я, кстати, тогда впервые был в богатом чуме, где две жены ухаживали за гостями и за хозяином. Особая обстановка и атмосфера в чуме у двоеженца. Меня это впечатлило. Мы попали в чум Пудако после долгого марша, пришли в 4 утра, были голодные-холодные. Нам бросили на маленький стол оленью лытку, мы набросились на нее, хотя прежде носы воротили от сырого мяса, но, когда поголодали пару дней, ели уже с большим аппетитом.

От Пудако Салиндер мною было записано одно из лучших ненецких сказаний. Я до сих пор впечатлен атмосферой этих сказаний, для меня это было ново. Я ознакомился со всем подряд — языком, манерами повествования. До сих пор, честно говоря, именно явайсалинская атмосфера сопровождает меня, она была очень сильная по густоте «ненецкости».

Вспоминая первые совместные экспедиции к ненцам, Вадим Николаевич Гриценко говорил, что из личных качеств Андрея Головнёва он бы выделил «бьющую в глаза целеустремленность и проистекающую из нее неутомимость». По его словам, именно это качество, «порою бесшабашное почти до безумия, но в основе своей очень настоящее, глубокое, истинное», позволило молодому этнографу, тогда еще студенту Омского университета, стать «ученым, испытанным таежником и полярником». «Жажда достичь цели вела вперед, — вспоминает Гриценко. — Мне запомнилось, как в чреве вертолета, гребущего винтами на Полярный Урал, мы карандашом переводим на кальку полетную карту, чтоб потом пройти две сотни километров туда, где впоследствии ненцев-оленьеводов увидели всего разок, да и то на горизонте. В те времена никаких GPS и спутниковых телефонов не существовало, мы даже про магнитное склонение не знали. Но ничего. Прошли ровно, по-деловому и с юмором». И как свидетельствуют очевидцы, ничем уже было не вытравить зародившуюся в их головах и сердцах жажду открытий.

С Андреем Владимировичем я знакома с 1979 года. Два молодых красивых парня, Андрей Головнёв и Вадим Гриценко, осваивали берега Ледовитого океана. Научная судьба меня также занесла на Гыданский полуостров, но у нас были свои задачи, и работа наша не пересекалась, кроме курьезных случаев. Но для этих ребят Арктика и Север стали научной судьбой.

Елена Тимофеевна Пушкарева, фольклорист, д-р ист. наук

Безграничную любовь к северным экспедициям А. В. Головнёв привил и своим ученикам. «Это были незабываемые путешествия, проходившие на грани гибели, безумства и торжества открытий», — вспоминает

Рис. 2–3. Гыданская экспедиция. Фото В. Гриценко, 1979 г.

Fig. 2–3. Gydan Peninsula expedition. Photo by V. Gritsenko, 1979

Рис. 4. А.В. Головнёв и А.В. Соколкин у памятного столба Евладова. Остров Белый, Ямал, 1987 г.

Fig. 4. A.V. Golovnev and A.V. Sokolkov at the memorial pillar of Evladov. Bely Island, Yamal, 1987

Александр Владимирович Соколкин, которому довелось «побродить по арктическим тундрам Ямала в составе экспедиций Головнёва». В начале 1980-х годов, имея на руках карту Советского Союза, выдранную из школьного учебника, Андрей Владимирович Головнёв, в ту пору уже преподаватель Тобольского педагогического института, с двумя студентами-археологами, Саней Соколкиным и Колей Старцевым, шли по следам экспедиции Евладова, попутно отыскивая стоянки древних жителей Арктики — таинственного народа *сихиртя*. Высадившись со случайного вертолета на острове Белом, они обследовали его южный берег, где не встретили никого, кроме бога *Сэр-нго Ирико*. На святилище давно никто не приезжал, приношения истлели, а сам Белый Старик лежал на земле. Головнёв поднял его и поставил так, как описывали старики-ненцы — лицом к Ямалу. Эта экспедиция стала легендарной. Переход с острова Белый на материк в последние часы перед тем, как в проливе Малыгина тронулся лед, кажется совершенным безумством. Затем была «прогулка по штормовому Карскому морю» в утлой лодке «Казанка» с разбитым лодочным мотором, когда невозможно было пристать к берегу из-за шторма, пронизывающего ветра, окутывающих с головой

ледяных волн, когда приходилось делить одну рукавичку-верхонку на двоих, чтобы не отморозить руки в июле, сон-не-сон в условиях шторма, пронизывающего ветра, окатывающих с головой ледяных волн. И по словам А. В. Соколкова, «именно благодаря целеустремленности, жизнестойкости и упорству Головнёва, друга и учителя, удалось пройти все эти нелегкие, опасные, но удивительно прекрасные северные маршруты, а наградой тому были поразительные открытия — древние археологические поселения, крупнейшие святилища Ямала и прекрасные люди, встречающиеся на пути».

ВЗАИМНОСТЬ

Мы попытались выстроить хронологию полевых экспедиций к ненцам: 1977–1979, 1984 — ямальские, надымские, гыданские и енисейские ненцы, 1977, 1978 — лесные ненцы, 1977–1978 — Таймыр, 1978 — Кутоп-Юган, Ярцанги, 1979 — Ямал, Салехард, Гыдан, 1987 — Ямал, Остров Белый, 1990 — Нумто, Халято, 1992 — Маррэ-Сале, о. Литке, Хэнская сторона, Юрибей, Яптик-Сале, Ярсалинская тундра, Ярте, 1993 — Полярный Урал, 1994 — Се-Яха, 1995 — Бованенково, Яр-Сале, Новый Порт, 1996 — Сюнай-Сале, Яптиик-Сале (Путь к святилищу), 1998 — НАО, Варандей, 2013 — Этноэкспертиза, Ярсалинская тундра, 2016 — Ямал, Ярсалинская тундра. Однако быстро запутались и сбились со счета. Да и не в количестве дело, а в персональной мотивации и в том, что народ и его исследователь оказались близки друг другу по духу и образу мысли.

Что для Вас «ненецкость»?

Ненецкость начинается с того, что эти люди — хозяйева своей судьбы. Это создает персональный облик человека, который властен над собственной судьбой и привык принимать все виды решений. Это отличает его от человека, который привык просить, ждать милости. Эти ребята сами организуют даже милость богов, потому что они правильно взаимодействуют с ними и выполняют нужные ритуалы. Это отличает человека, по-настоящему независимого и свободного. Знаете, быть свободным в большом городе — это тяжкий труд, надо очень постараться, чтобы не остаться в плену чего-то неопределенного. В тундре, дальней, крайней тундре, где вокруг полная неопределенность, ты зависишь от самого себя — это высшая мера свободы.

Я сам лично оказывался в состоянии, когда терял направление пути, совершал ошибки, погода портилась, нечего было есть, но не терял надежду. Это состояние самоопределения, опоры на самого

себя — оно изменяет отношение к самому себе. Я за это благодарен тундре, ненцам, потому что для меня это люди самобытные, в полном смысле слова. Не самобытные — в смысле старающиеся отличиться какими-нибудь нарядами, но в том, что они определяют собственное бытие — самобытность.

С одной стороны, ты предоставлен самому себе, и это как будто опасно, но с другой стороны — это и есть то, с чего начинается человек в этих северных пределах. Затем к этому добавляются социальности, потому что ненец контактирует с таким же независимым и свободным другим ненцем. Они бережно относятся друг к другу. Социальность на Севере персональна по основанию, но благожелательна другим: Ненцы примут тебя без вопросов «ты откуда и куда?». Ты всегда, войдя в чум, обретишь очаг, еду, сон, заботу. Тебя не спросят, на сколько ты приехал и когда собираешься назад, пока ты сам об этом не скажешь. Мне неоднократно доводилось быть гостем, который приехал ни с чем, а уезжает с подарками, хотя позднее я сам старался привозить дары. Эта этика взаимного внимания-дарения — это позитивное взаимоотношение, которое рассчитано на взаимность, но в то же время — благорасположенность.

Ненцы очень хорошо регулируют эту персональность и социальность. Они не живут постоянными объединениями, в течение года расходятся, сходятся, соединяются, есть традиции в этом соединении, но можно и обновить партнерство. Вот такая динамика социальных отношений. Я считал, что в среднем в течение года кочевник примерно с 50 людьми контактирует и встречается. Это свободный тип социальных отношений, основанный на партнерстве.

У ненцев есть и соперничество, и ревность, вплоть до вражды, ничто человеческое им не чуждо, но по необходимости это отходит на второй план, особенно в случае стихийных бедствий. Например, во время гололеда (дождь на снег) возникает ситуация, когда олени из-за толстой ледяной корки не могут пробиться к ягелю и начинается мор. Тут ненцы, независимо от дружбы и вражды, готовы помогать друг другу, оленям, уже не олени везут людей, а люди тащат на нартах оленей, перетаскивают через Обскую губу. Это яркая и впечатляющая система, этика взаимоотношений между людьми, между людьми и оленями — это одно стадо в хорошем смысле этого слова, одно тундровое сообщество, которое движется за счет совместной энергии.

Узнавание новой природы человеческой, духа кочевничества оказалось для меня очень важным и близким. Я зачастил — в плане поездок и экспедиций — туда. И каждый раз, когда высаживался в тундре, я ощущал, как прямо через ноги мои шел ток свободы. На время экспедиций у меня разрывалась социальная пуповина с тем местом, откуда я выезжал (Омск, Москва, Тобольск или Екатеринбург). Я освобождался от проблем,

которые были в городах, и чувствовал себя в полной свободе, в состоянии воли. Если угодно, для меня философски это было познанием абсолютной свободы.

Философия свободы — это философия Ваша и философия ненцев?

Это философия арктических кочевников. Затем к ненцам добавились чукчи. Пожалуй, еще более открытые.

Свобода духа, свобода выбора, свобода действий у арктических кочевников, по словам А. В. Головнёва, сочетается с поразительной адаптивностью, поскольку «сама природа кочевой жизни с ее бесконечными передрыгами создает пружинность ненецкого характера, способность в случае нужды “переварить несъедобное”». И «сама способность (и готовность) к переменам» является для них «традицией», но «перемена так же легко отменяется, как была воспринята, если, конечно, в ней нет действительной потребности. При этом ненцы подмечают и другое, говоря о себе: “У нас рога большие, они нам жить мешают” (речь идет об индивидуализме, сравниваемом с рогатостью бегущего в упряжке оленя)» (Головнёв 1995: 575–576).

В интервью мы попытались спровоцировать А. В. Головнёва на определение и каких-то негативных характеристик народа, но критического «взгляда со стороны» не получили, поскольку для этнографа нет в целостной ненецкой культуре ничего отрицательного. А вот поучиться у кочевников, как оказалось, было чему.

Есть что-нибудь в ненецкой культуре, что Вас настораживает, пугает или отталкивает?

Ненцы непредсказуемы. В их расчете пространства и времени есть глубокая философия, которая сопоставима с эйнштейновской, но в этой философии есть один пункт, который называется «субъективность». Пространство и время у них субъективны. Они не считают пространство отдельной объективной реальностью, время — отдельной объективной реальностью. Ненцы управляют временем-пространством. Они, например, могут легко отменить запланированную поездку, они настолько хозяева пространства, что по настроению могут менять планы. Иной раз сидишь, ждешь и думаешь: «Да что же это такое? Мы когда-нибудь куда-нибудь поедим или нет?» И вдруг в самый неподходящий момент, когда ты уже прижился в стойбище, занят какими-то делами, узнаешь, что вот сейчас надо ехать, но ты не собран, у тебя другие намерения. Ты — человек планов, а у ненцев своя логика и своя стратегия планирования.

В этом плане их непредсказуемость, их иное отношение к ценностям не то чтобы затрудняет, но иногда вызывает проблемы. На логичные в твоём понимании аргументы они могут никак не реагировать. Я настаивал, чтобы меня отвезли на главное ненецкое святилище. Мне говорили: «Ты что, болен или у тебя кто-то умер? Чего собрался? Нечего тебе там делать». И совершенно иррациональная фраза, вырвавшаяся у меня, про то, что я написал книгу и хотел бы узнать, что по этому поводу думают боги, сработала с точностью до наоборот. Мне сказали: «Это другое дело, тогда поехали».

У ненцев другая этическая шкала. Если посмотреть на их фольклор, то там не окажется сугубо добрых или сугубо злых героев. Эпос может быть исполнен военными событиями, где имеют место убийство и эпизоды с безжалостными издевательствами — «на войне как на войне». Да, ненецкая эпическая традиция выглядит сурово, написана сочными красками, но я не вижу в этом крайности, это их традиция.

Ненцы устойчивы в своей религии. Они могут быть названы язычниками или приверженцами этнической традиционной религии. Многим это может показаться отсталостью, с моей точки зрения — нет. Нередко язычество понимают как некую тупиковость, но уже само название содержит важную коннотацию (в летописях *языцы* есть народы). Я считаю, это очень человеческая философия и религия. Более того, у них даже устойчивых персонажей в пантеоне нет, есть обозначение богов, например *Нум*, *Я`Миня* и другие. Герои сказаний всякий раз превращаются в этих богов, входят в их оболочку. Это такое избрание богами людей земного происхождения, то есть богом может стать каждый. Демократичная религия. Демократический пантеон — это особенность кочевников с их динамичным мышлением. И всегда досадно, если кто-то от нее отходит. На мой взгляд, традиционная религия должна быть узаконена. Я об этом говорил с лидерами ненцев. Их религия сопоставима по богатству с выдающимися образцами Античности, эпохи Возрождения, других стран и континентов, богатых религиозными традициями, даже такими, как Индия.

О ненцах разное можно говорить. У ненцев, например, есть проблема адаптации к новым условиям жизни. Среди горожан и жителей поселков сегодня много уроженцев тундры. Поселковый ненец — это ненец, который устроен заново, в нем осталось что-то тундровое, но это другая жизнь. Раньше это сопровождалось ужасающих масштабов алкоголизмом, но сейчас поумерилось. В годы моих частых экспедиций тундра относилась к поселкам как к месту нечистому. После поездки в поселок необходимо было провести обряд очищения (*нибтара*), поскольку человек, побывавший в поселке, прикоснулся к нечистому. А сейчас поселки стали чище, благоустроеннее, опрятнее. Поселковые ненцы — это новая формация, новое явление. У них свои противоречия, но они не отдельная группа, а медиумы, связники между городом (промышленностью) и тундрой.

Рис. 5. Айбат. Стойбище Навале Окоэтэто, Ямал. Фото М. Окоэтэто, 1996 г.

Fig. 5. Aibat. Navale Okotetto cattle camp, Yamal. Photo by M. Okotetto, 1996

В одном из интервью Вы говорили, что ненцы научили Вас большему, чем университетские преподаватели. Чему научили Вас ненцы?

Самое интересное, что у ненцев нет специального заведения, которое бы называлось школой, колледжем или университетом. У них и детей принято воспитывать не уча. Дети сами учатся: они наблюдают, повторяют, впитывают, они как бы сами научаются. Школа ненцев — это самонаучение. Все, чего я набрался от них, меня не учили, я воспринял и впитал это через самонаучение. Никто ничего не запрещал, иногда поправляли, но всегда тактично: сюда не садиться, здесь лучше раздеться, правильнее обить снег вот тут. Все остальное на уровне благопожелания. Это везение, что судьба меня вынесла на народ столь самобытный, столь сильный в своей культуре, для этнографа это просто Клондайк. Я думаю, что мы друг другу даже помогли: ненцы дали мне сильное знание о сильной культуре, а я им его вернул в своих книгах. Думаю, что мы обменялись энергетикой и поддержали друг друга, поэтому они относятся ко мне, осознавая это, хотя мы редко формулируем подобные вещи. Однако в выражениях их лидеров, друзей моих, это иногда проскальзывает.

Рис. 6. Святилище *Сиив-Мя* (Семь Чумов), Ямал. Фото М. Окоэтто, 1996 г.

Fig. 6. *Siiv-Mia* (Seven Tents) sanctuary, Yamal. Photo by M. Okotetto, 1996

Своего рода новой точкой отсчета для этнографа и кинорежиссера А. В. Головнёва стал фильм «Путь к святилищу». Апогеем восхищения культурой кочевников звучат в кино его слова: «Они зовут себя *ненэй неннэче*, что означает “настоящие люди”. Стало быть, других они считают ненастоящими? Может быть, может быть. Только им дела нет до других. Они их не считают вообще, не считают их армий, денег, заслуг перед мировой цивилизацией. Они не завидуют ни китайцам, ни американцам, ни русским, ни с кем не конкурируют и не сводят счетов. Они свободны настолько, что свободны от зависти. Эти люди даже оленей своих не считают — просто знают всех в лицо... У них, вечных странников, мир устроен по-своему: покой для них — в движении, а неподвижно живут только покойники, да и те, говорят, кочуют по своей темной стране. Ненцам кажутся обездоленными люди, не покидающие насиженных мест — люди, приросшие к земле»³.

³ Фильм «Путь к святилищу» (реж. А. В. Головнёв, 1997). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ucqQV3Vmjs&t=3s> (дата обращения: 01.12.2022).

Экспедиция-кино на святилище «Семь Чумов» — была ли она своего рода причастием к ненецкой культуре? Вхождением в культуру и переходом в другой статус?

Конечно. Один из знатоков ненецкой культуры, сам ненец и яркий публицист Федор Яунгад написал статью «Он говорил с богами» — про меня. Это был новый статус: не каждый ненец мог сказать такое. Меня буквально снарядили паломником. Стойбища, мимо которых я проезжал на пути к святилищу, давали мне дары, относились ко мне как к правильному паломнику, соблюдающему их традиции. Это был новый для меня статус. Я проехал нужным путем — меня не забросили на вертолете, я не оказался на святилище неожиданно, как со мной бывало раньше, а ехал в сопровождении хранителя святилища, в качестве его родственника, в его малице, с поясом, в нарте. Я ехал в облике ненца, посещающего святое место. Это особая инициация, особое посвящение, оно не было ритуальным, но сам по себе этот путь к святилищу был для меня обретением совершенно нового знания, новым путешествием. Честно говоря, ни до, ни после по насыщенности и неожиданностям я никогда подобного не испытывал. Это было особенное событие в моей жизни. Это целая эпопея.

ДОВЕРИЕ, ИЛИ ОБРЕТЕНИЕ СВОЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Результатом многочисленных полевых экспедиций, глубокого анализа ненецкой культуры и удивительного взаимопонимания стало обретение народом своего исследователя, которому доверяют, которого ценят, к которому прислушиваются.

Андрей Владимирович Головнёв много лет своей научной жизни посвятил изучению ненцев. Он один из немногих выдающихся ученых, который буквально прошел пешком и проехал на оленьей упряжке по местам кочевий от западных до восточных тундр. За это время он по-настоящему вжился в нашу культуру. Многих оленеводов, рыбаков, представителей интеллигенции знает лично. И люди не понаслышке знают Андрея Владимировича, поэтому всегда относятся к нему с открытой душой и доверием. Он является одним из ведущих ученых-знатоков, который раскрыл для научного сообщества и общественности кочевой мир ненцев.

Григорий Петрович Ледков, сенатор Совета Федерации, президент общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»

Мне кажется, что самые простые и в то же время гениальные мысли не раз приходили ученому в тундре. Например, в 1979 году он сутки голодный

Рис. 7. Разговор с оленеводом Нядмой Худи. Этноэкспертиза на Ямале, 2013 г.

Fig. 7. Conversation with reindeer herder Nyadma Hudi, 2013

добирался до чума в Евай-Салинской тундре (полуостров Гыдан). Его накормили, одели в теплую малицу, кисы и уложили на оленью постель, и тогда он подумал, что из всех домов на Земле самым уютным является чум. А его полевой дневник «Путь к Семи Чумам» (2000) и фильм «Путь к святилищу» (1997) — настоящее пособие по работе в поле.

*Галина Павловна Харючи,
этнограф, исследователь истории и культуры ненцев, канд. ист. наук*

Стать «своим» для изучаемого народа непросто, а заслужить высокое доверие и называться «настоящим ненцем» для этнографа дорогого стоит.

Прошло почти тридцать лет с того времени, когда впервые меня познакомили с молодым энергичным ученым-исследователем, этнографом Андреем Головнёвым на одном из мероприятий коренных народов Западной Сибири. Сегодня уже не припомню, с чем оно было связано, поскольку в 1990-е годы мероприятий проводилось очень много. Это было время пробуждения национального самосознания народов России, переломный социально-экономический и политический период. Финансовая система в стране тоже переживала сложный период. В этих условиях трудно было

Рис. 8. Андрей Головнёв в Ярсалинской тундре, Ямал. Фото А. Курлаева, 2016 г.

Fig. 8. Andrei V. Golovnev in Yarsalin tundra. Photo by A. Kurlaev, 2016

представить проведение каких-либо научных экспедиций. И уже сам факт приезда на Ямал вызвал у меня чувство глубокого уважения и почтения к исследователям, по своей природе преданным науке до фанатизма, таким как Андрей Головнёв.

В те годы я начинал свою политическую деятельность (был президентом общественно-политической организации «Ямал — потомкам!», депутатом, заместителем председателя правительства округа и т. д.), и земляки мне всегда докладывали о пребывании в наших краях молодого исследователя: то кочевал по тундрам Ямала и Гыдана, то посетил главную ненецкую святыню, то пешком обошел необъятные тундровые просторы вдоль и поперек, то «загорает» во льдах на южном берегу Карского моря. А его научные экспедиции охватывали не только наши тундры, но и все арктическое побережье планеты. И везде Андрей Головнёв был своим парнем, желанным гостем. Он стал своим среди ненцев и получил высшее народное звание — главный ненец России!

Результаты его пеших походов по арктическим землям в летний зной и долгих зимних кочевий нашли свое место в его многочисленных научных трудах. Очень радовались мои земляки, когда Андрей Владимирович Головнёв получил Государственную премию РФ за огромный вклад в гуманитарную отечественную науку. Достоинно проходит Андрей Владимирович каменистые тропы науки, чтобы достичь ее сияющих вершин. Заслуживший уважение и почтение наш друг, соратник, просветитель и настоящий ученый — говорим мы об Андрее Головнёве с друзьями на Ямале. И как всегда, ждем новых достижений и побед. А их у него будет еще целый *аргиш* из десяти нарт.

Сергей Николаевич Харючи, российский политический и общественный деятель, экс-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, президент международной ассоциации «Оленеводы мира», д-р юрид. наук

В отечественном научном дискурсе вопрос необходимости делиться результатами исследования и/или собранными материалами с представителями изучаемого народа поднимался не раз. Активно обсуждалась проблема отношения антрополога и изучаемого сообщества на страницах журнала «Антропологический форум» в 2016 г. (Форум 2016). Бесспорно, важнейшим является не только факт возвращения результатов работы исследователя «в народ», но и влияние на рост этнического самосознания и актуализацию исторической памяти народа (Данилова 2019: 117). Блестящим результатом исследования А. В. Головнёвым культуры народов Севера стали его книги, которые, без сомнения, можно назвать бестселлерами. Если спросить ненца, независимо от того, где он живет — в городе, поселке или тундре, какие книги по истории и культуре своего народа он знает, ответ не заставит себя ждать: «Говорящие

культуры: самодийцы и угры Западной Сибири» и «Кочевники тундры: ненцы и их фольклор». Конечно, у Андрея Владимировича есть целый ряд других глобальных и очень популярных трудов, таких как «Антропология движения: древности Северной Евразии» (Екатеринбург, 2009), «Феномен колонизации» (Екатеринбург, 2015) и совсем новая «Северность России» (СПб., 2022), однако «Говорящие культуры» и «Кочевники тундры» ненцы считают своими и рекомендуют изучать их историю и их культуру по этим книгам.

Андрей Владимирович Головнёв — этнолог-теоретик, полевик-практик. Считаю, что он более других исследователей проник в культуру ненцев. Он удивительно уважительно относится к слову. Об этом говорит тот факт, что в его работах нет ни одного ненецкого термина, написанного по-ненецки и переведенного на русский некорректно. Моя настольная книга — «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров». Его труды стали настоящими учебниками для представителей коренных народов, живущих в поселках и городах. Свою традиционную культуру они изучают по его книгам.

Г. П. Харючи

Знакомство с Андреем Владимировичем произошло в 1996 г. в Нарьян-Маре, когда он приезжал в научную экспедицию в Ненецкий автономный округ. В городском этноцентре, где я работал научным сотрудником, Андрей Головнёв рассказывал о своей научной деятельности. С тех пор мы поддерживаем связь, дружим, сотрудничаем в работе общероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов. Он — человек с яркими ораторскими способностями, умеет находить общий язык с любым человеком.

Он — человек, обладающий навыками классического ученого, — ассоциируется с дальними рискованными походами. При всем этом он сделал науку популярной и доступной. Его научные труды написаны простым, близким к художественной литературе языком. В монографии «Говорящие культуры» раскрыт мир кочевника с очень интересным подходом. В беседе с оленеводами мы часто обсуждаем тему восприятия кочевником окружающего мира, которое описано в книге.

Г. П. Ледков

Я в 8-м классе прочитал книгу Андрея Владимировича Головнёва «Говорящие культуры». Теперь это моя настольная книга. Даже мне, ханты, было интересно узнать о ненцах, их истории. Написано доступно, если есть какие-то термины, он их объяснял по-человечески. Шикарная книга, всем ненцам советуя ее читать.

Дмитрий Кельчин (ханты)

Ненцы с достоинством и гордостью говорят, что этнограф А. В. Головнёв открыл ненцев для них самих и для всего мира.

С Андреем наши научные пути пересекались редко, но и где-то на периферии наших жизней мы всегда интересовались друг другом, как принято у ненцев. Я с огромным интересом читала его книги, поскольку он — поэт в науке. Иногда под впечатлением его книг даже задавала себе вопрос: ненцы действительно уникальный народ, освоивший Арктику и Субарктику, послуживший многократно российской науке и российскому государству, или это благодаря Андрею Головнёву? А его книга «Кочевники тундры» открыла мне, фольклористу, фольклор ненцев как памятник живой и яркой истории.

Е. Т. Пушкарёва

Мое первое знакомство с Андреем Владимировичем Головнёвым состоялось примерно в 2005 году благодаря одному из его фундаментальных трудов. С первых страниц книга «Кочевники тундры: ненцы и их фольклор» меня удивила тем, как многогранно показан народ, к которому я имею непосредственное отношение, начиная от происхождения самоедов, исторических мест их расселения, родового устройства, фольклора, различных аспектов бытия. Все вроде как бы было знакомо, и в то же время я все больше и больше осознал, как много еще не знаю. Головнёв мне перекрывал ненецкий мир!

В школьные годы и в юности мне представлялось, что ненцы интересны только сами себе. Да, я, конечно, знал о советских исследователях, которые когда-то приезжали на Таймыр, в студенческие годы писал курсовую по В. Ф. Зуеву, мама собирала труды Л. В. Хомич, Б. О. Долгих, Ю. Б. Симченко, К. И. Лабанаускаса и других исследователей, и, как выяснилось, ненцы почему-то интересны сотням и тысячам этнографов, лингвистов, антропологов. И причина этого интереса мне была раскрыта в книге «Кочевники тундры».

Мировоззрение А. В. Головнёва, на мой взгляд, представляет собой синтез культур народов Сибири и народов европейской цивилизации, что позволяет ему открывать социокультурные феномены. Часть из них раскрыта в цикле книг, посвященных антропологии движения, другая — в кочевых технологиях оленеводов, которые могут быть заимствованы, как промышленными кругами, так и современными апологетами цифровых технологий. Трансформность, модульность, мобильность, вещный минимализм с максимизацией их функций — на этих принципах строится жизнь кочевника. Эти принципы соответствуют таким понятиям, как «бережливое потребление», «ответственная экономика», «рациональное природопользование» и другим, которые сегодня активно произносятся

с самых разных трибун — от национальных правительств до ООН и других международных организаций.

Мои предки эти выводы сделали десятки веков назад и сегодня живут с этими ценностями в своей экологической цивилизации. Заслуга Андрея Владимировича в том, что он сумел вековые традиции ненцев и других сибирских народов донести до умнейших людей мира.

*Григорий Иванович Дюкарев,
председатель Совета представителей
коренных малочисленных народов Российской Федерации,
проживающих на территории Красноярского края,
при Правительстве Красноярского края*

Полагаем, не менее известным и полезным для Севера и его жителей станет проект создания учебников для 5–11-х классов по истории и этнографии Ямала, к участию в котором А. В. Головнёв был приглашен в качестве автора, главного идеолога и редактора серии губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа Д. А. Артюховым, который однажды услышал лекцию Андрея Владимировича в «Роснано» и решил, что именно этот человек должен создать новый учебник для ямальских школьников.

И вот наконец-то судьба свела нас в одном научном проекте — по созданию серии учебников по истории Ямало-Ненецкого автономного округа с древнейших времен до наших дней. Я была приглашена в проект как автор учебника для 5-го класса. Андрей для меня раскрылся как необыкновенный редактор: доверяющий авторам, их точке зрения. В процессе мы втроем (я, он и Светлана Алексеева) разработали план учебника. Один из параграфов был назван «Рыбак рыбака видит издалека». Я пишу коллегам, что мои рыбаки никак не хотят видеть друг друга издалека и, может, лучше «Вода — судьба рыбака». И коллеги соглашаются. Пожелаю Андрею Владимировичу новых необыкновенных книг, успеха как директору «колыбели российской науки», человеческого счастья. Андрей! *Илар ненггья!* С искренним восхищением, *ненэй не* Елена Пушкарёва.

Е. Т. Пушкарёва

Сегодня на разных форумах с трибун ненцы сами легко и с достоинством цитируют ставшие уже крылатыми его высказывания о ненецком феномене. Особенно популярными стали его заключения о самобытности и успешности ненцев:

Они оказались народом, избравшим в условиях кризиса не чужие формулы успеха, а собственный культурный потенциал. Самое поразительное состоит в том, что эти «первобытные» кочевники, туго поддававшиеся цивилизаторским усилиям советской власти, едва ли не первыми

в постсоветской России добились успеха в наращивании производственных ресурсов, причем не за счет передела или перепродажи чужой собственности, а на основе своей, сконцентрированной в оленеводстве (Головнёв 2004: 6).

Сегодня ненцы — яркая «точка роста» этнической культуры и неотрадиционализма на российском и циркумполярном Севере. Среди народов современной России они — лидеры и по использованию потенциала собственной этнической культуры «на душу населения» (оригинальная религия, мифология, кочевой оленеводческий культурно-хозяйственный комплекс), и по практике родного языка (им владеют ненцы в местах традиционного расселения), и по демографическим индексам (особенно высока репродуктивность ненцев-кочевников) (Головнёв 2012: 3–12).

Эти и многие другие яркие характеристики, мысли и высказывания «ушли в народ», стали не только теоретическими концептами, но и руководством к практическим действиям.

По-настоящему беспокоит А. В. Головнёва судьба оленеводов и оленеводческой культуры. В своих работах он дает не только теоретическое описание, а предлагает практическое решение современных проблем коренного малочисленного народа: проблем сосуществования традиции и новации, кочевого оленеводства и нефтегазового освоения. Доказательство этому — работа «Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения» (2014), выполненная совместно с учениками и ставшая примером профессионального исследования жизни северного народа. Авторы работы точно определили, что Ямал — это не только кладовая мировых запасов нефти и газа, но и один из главных мировых центров современного оленеводства. Ямал — хранитель уникальной ненецкой культуры, которая, кроме как в тундре, нигде сохраняться и развиваться не может. Сложилось так, что территория Крузенштернского месторождения является не просто территорией кочевания ненцев, а неким «оазисом», «олeneводческим раем». Благодаря данному исследованию у читателя появляется желание непременно спасти эту часть тундры, сберечь ее от разрушения, найти пути выхода из кризиса.

Г. П. Харючи

«Северяне отличаются от остального мира двумя, пожалуй, главными качествами: властью над собственной судьбой, автономностью, по сути, — и искусством контроля над большими пространствами. Это очень важно сейчас, потому что философия движения, технология движения — это принципы и механизмы развития. Физический мир, виртуальный мир меняются, космос, авиация — все меняется. Поэтому, обращаясь

к частным сюжетам, связанным с поведением в пространстве, мы открываем огромные перспективы использования тысячелетних навыков коренных жителей, прежде всего кочевников, для технологий будущего», — эти слова запомнились многим во время визита А. В. Головнёва в Норильск и Дудинку в рамках этнологической экспертизы факторов, обеспечивающих устойчивое развитие коренных малочисленных народов Таймыра. Тогда мне удалось близко познакомиться с русским кочевником на ненецких просторах...

При подготовке интервью один из вопросов об идеях, выводах, теориях Андрея Владимировича звучал так: «С чем Вы согласны и не согласны?» Чтобы сформулировать, с чем не согласен, нужно еще раз перечитать его работы и с позиций нынешнего возраста и жизненного опыта попытаться ответить. С чем согласен? С тем, что коренные народы должны брать больше самостоятельности и больше ответственности за свою жизнь. Чувствую, что в этом вопросе Андрей Владимирович поддерживает, как и я, теорию Л. С. Выготского. Разверну мысль Льва Семёновича шире: все, что может сделать человек/народ сам, он должен сделать сам. Конечно, что-то нам непосильно, что-то мы не можем сделать сами. И в этом случае мы должны делать сами, но в сотрудничестве с государством, промышленными компаниями, научным сообществом и другими партнерами.

Пожелаю юбиляру здоровья для новых научных открытий, для прославления наших народов и всей страны в целом.

Г. И. Дюкарев

С первой экспедиции А. В. Головнёва к ненцам прошло 45 лет, за эти годы многие ненцы стали для него друзьями и близкими людьми. С некоторыми из них его связывают долгие совместные путешествия по тундре, другие были героями его фильмов, участниками (а в последнее время и заказчиками) научных проектов и экспертиз.

Кто Ваши самые близкие друзья из ненцев?

Друзей много. Среди них есть уже ушедшие в иной мир. Например, Юра Вэлла, Лёня Лапцуй — это выдающиеся интереснейшие люди.

Есть люди, живущие в тундре, которых я помню и хотел бы с ними встретиться, — Евадё Окавай (гыданский друг), Анна Неркаги (с Полярного Урала) — известная писательница и мой друг. Мы — единомышленники, когда я снимал фильм о ней, это была целая эпопея с интереснейшим погружением в женскую философию.

Есть люди, которые близки мне по духу и с которыми мы, слава богу, встречаемся благодаря их позиции лидеров, которая позволяет им ездить по городам и конференциям — Сергей Николаевич Харючи и его

Рис. 8. По пути в Мангазею. Неводной песок Нямгдоче (С. Н. Харючи и А. В. Головнёв). Тазовский р-н ЯНАО, 2022 г.

Fig. 8. On the way to Mangazeya. Nyamgdoche Sands. S. N. Khariuche and A. V. Golovnev. Tazovsk district of YaNAO, 2022

жена, Галина Павловна Харючи. Григорий Петрович Ледков, с которым я однажды провел интереснейшую экспедицию среди европейских ненцев в 1998 г.

Елена Тимофеевна Пушкарёва, с которой когда-то мы встретились на Гыдане, и она помогала разбираться с очень сложной эпической поэмой «Парнэя». Тася Лапцуй — прекрасная мыслительница, художница, киношник, она сейчас в Финляндии, но мы по-прежнему в хороших отношениях, на связи. Григорий Дюкарев — это новоприобретенный друг, близкий по духу и настроению, по взаимопониманию, лидер таймырских ненцев.

Стоит назвать и человека, с которым связывает еще один фильм, — это Татва Логаны, я дважды снимал фильм, второй раз это был ремейк. Дважды этот человек, слепой, был главным героем фильма. Это было для меня открытие: как слепой, молодой, красивый выживает в тундре. Он, как паук, построил царство свое, протянул дороги, оплел ими всю свою территорию.

Это впечатление трудно забыть. Я бы его причислил к людям, которые мне дороги и близки.

Сегодня этнография заметно отличается от той, которой начинал заниматься студент А. В. Головнёв. Но, по его же мнению, этнография — наука адаптивная. Следуя за общественными, технологическими и методологическими сдвигами, она регулярно обновляется в разных концепциях и школах. Этнография ныне представляется не только академическим знанием, но и бизнес-ресурсом. Меняются и герои наших исследований: появились, например, этноменеджеры-посредники, формирующие рынок, цены и ассортимент этноуслуг, они уже не те консервативные жители тундры и хранители фольклора и традиций, они новые и предприимчивые люди (Головнёв 2021: 6). Вместе с ними меняемся и мы — этнографы.

Кто такие «новые ненцы»?

«Новые ненцы» — это те, которые используют современные технологии в своей традиционной жизни. Это и политики, и дизайнеры, киношники, фотографы, менеджеры, иногда люди, связанные с добычей нефти и газа. Например, один мой старый добрый знакомый, Хатяко Мэйкович Езынги, который был руководителем ассоциации «Ямал — потомкам!». Он ненец нового образца, который одновременно является работником нефтегазовой отрасли, он выполняет функцию медиума, в то же время в тундре он свой человек, его братья — оленеводы.

Еще один пример посредника, который выглядит лучше и ярче других, — это Сергей Николаевич Харючи, человек выдающийся. Я счастлив, что он считает меня своим другом. Мы с ним обмениваемся знаниями, опытом, и мне удастся наблюдать его снаружи и внутри. Это человек, который умеет быть лидером международного уровня, мирового, но в то же время оставаться настоящим ненцем, умеет быть двуликим и носить под малицей галстук. Это устоявшееся реноме. Он не только умеет перевести с ненецкого на русский и далее на международные языки, он долгое время возглавлял Думу, был заместителем губернатора. Он из мальчишек боевых, боксер, человек, который умеет за себя постоять, но не только за себя, но и за свой народ, за свою страну, за всю Арктику. Были эпизоды, когда он совершал революцию внутри себя, преобразовывал себя, это человек с очень сильной биографией, умеющий принимать решения. В каком-то смысле это именно он и русский старожил Юрий Неелов обеспечили Ямало-Ненецкому автономному округу устойчивость и благополучие, это результат прямого диалога лидеров, а не социально-экономических предпосылок.

Этот округ отличается от многих других регионов нашей страны, потому что лидеры нашли пути к диалогу, стояли на страже своих интересов и своих народов. Они были архитекторами этого благополучия в те сложные 1990-е годы, когда все образовывалось заново. В округе не было проблем в связи с катастрофическим оттоком интеллектуального сословия, как на Чукотке, которая потеряла треть высококвалифицированного населения, там начались мародерство и разруха, выправлено это было ценой огромных усилий. Ямал, напротив, очень собранно и уверенно, не только за счет газа и нефти, но и за счет сохранения отношений между лидерами, нашел свою выверенную дорогу в это сложное время.

Новые ненцы участвовали в регионостроительстве постсоветского времени, они сделали себя, они сделали округ, не случайно лидеры Всероссийской ассоциации коренных народов — из ненцев, это устойчивое лидерство.

Мы не стали задавать Андрею Владимировичу вопрос «А что будет через 100 лет у ненцев?». Этот вопрос уже прозвучал в его интервью в программе «Россия, моя любовь!». Ответ был очень ненецкий: «Ненцы считают, что через каждые 2 тысячи лет на землю приходит потоп, земля очищается. Мне нравится эта философия. Мыть бы землю почаще». Мы ограничились более краткосрочным прогнозом.

Андрей Владимирович, что будет с ненцами через 30 лет?

Я думаю, что они существенно обновятся в плане новых технологий типа дронов. Мы застали первые опыты съемок с дронов ненецких кочевий. Дрон — это один из великолепных исследовательских инструментов. Ненцам эта штука близка, у них даже описание зачина сказания происходит так, что летит сказочник, носитель эпоса *Нячchedo Мынеко* и видит сверху: олени пасутся, чум стоит, он садится, и начинается действие. Ненцы как будто были готовы к использованию беспилотников из своего фольклора. Когда мы снимали их кочевье, они интересовались: «На какой дистанции можно управлять этим коптером?» Они наблюдали боятся ли олени дронов, выяснилось, что боятся, потому что дроны гудят, как большие оводы. Подпугивать оленей — это значит их пасти. Ненцы сразу сориентировались на беспилотники как на своих возможных партнеров. Выпас оленей с помощью дронов — это сегодняшняя или завтрашняя практика. Я уж не говорю о снегоходной революции, которая поменяла облик больших зимних кочевий через Обскую губу. Хотя еще недавно ненцы говорили, что на снегоходах кочуют только ленивые ненцы. Кола и Чукотка уже прошли эту транспортную революцию. Много в этом удобно, за исключением того, что теряются навыки живой навигации, вернуть которые крайне сложно. Ненецкая культура сильна именно многоплановым,

многосторонним использованием оленя, насыщенным и многогранным диалогом «человек–олень».

Новая техника немногим меняет сам ритм. Все равно это движущееся кочевье и стадо. Ямальская и Гыданская тундры отличаются от других тем, что это огромные тундры. Это не 100 км от леса до морского берега (как на Кольском полуострове), которые можно застроить ограждениями, устроить гигантский вольер и управлять движением стада.

У ненцев сохраняются живой стиль общения, высокая экологическая культура и «олень мышление», которое сопровождает человека с рождения до смерти. Вполне возможно, что через 30 лет многие элементы культуры будут замещены и само кочевье будет представлять движение по расставленным точкам, стада будут ходить по заданным маршрутам, и эти маршруты будут размечены кораллами, маленькими перерабатывающими и консервирующими заводами, местами отдыха. В последние годы бурно развивается туризм, он меняет даже кочевья оленеводов: некоторые семьи уже не ради оленей меняют стойбища, а ради туризма изменяют маршруты оленей. Такие изменения неизбежны.

Я надеюсь, что мода на кочевье, этнотуризм и ненецкую культуру, равно как и на монгольскую коневодческую культуру, будет сохраняться. Это два очага выраженного нomaдизма, яркой кочевой культуры — оленьи ненцы и конные монголы. Сегодня они в этом отношении — мировые лидеры.

У ненецкой одежды большие перспективы в связи с выходом традиционной одежды на подиумы, некоторые приемы и технологии меховых традиций достойны самого широкого распространения и применения, может быть, и технологического обновления, при этом до сих не выработан материал, сопоставимый по теплостойкости с оленьим ворсом. Возможно, между двумя рекордсменами (в экономическом смысле) ненецких тундр — оленеводством и газовой промышленностью — есть промежуточные, стыковые узлы, которые могут создать новые технологические практики в освоении тундры и производства.

У ненцев есть перспектива взаимодействия с промышленниками, благодаря этому могут быть открыты новые интересные направления, в том числе по превращению тундры в реальный дом. Нельзя тундру застраивать городами, культура мобильного освоения тундры сохраняет свое значение и актуализирует кочевую традицию. Этот путь обновления — неизбежен, но я уверен, что через 30 лет в Ямальской тундре будут двигаться кочевья и стоять чумы.

О РОЛИ ЭТНОГРАФА (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Наши вопросы в беседе с Андреем Владимировичем были намеренно посвящены особому отношению юбиляра к ненецкой культуре

и арктическим кочевникам, поскольку мы знали, что для этого номера журнала готовятся статьи, представляющие другие сферы его научных интересов. Он же в конце разговора не преминул подметить: «Конечно, я не только ненцевед. Я еще и чукчевед, и хантовед, и татаровед, и руссовед, и много чего еще».

В интервью читается ответ на незаданный вопрос: «Как стать этнографом?». И потому в заключение мы решили спросить не об этом, а предпочли получить авторитетное мнение относительно важнейшей для сообщества исследователей и исследуемых ими народов проблемы «Какова миссия этнографа?»

Андрей Владимирович, несколько слов о роли этнографа в жизни изучаемого народа?

На самом деле, очень большая. Люди делятся своими знаниями и ценностями с этнографом, а этнограф возвращает это знание в жизненные практики. Книга, фильм дают новую жизнь или обеспечивают бессмертие тем знаниям, той традиции, которая прошла через этнографа. Этнограф выполняет знаковую роль в жизни народа, он не просто собирает материалы в какую-то свою кубышку и не просто пишет статьи и защищает диссертации. Он не муха на стене. Он участник обмена знаниями, циркуляции знаний, он оказывается частью культуры народа. Иногда люди открываются этнографу больше, чем кому-то еще, потому что этнограф спрашивает и сопереживает. Эти знания люди используют в практике, например, если это фольклор, то записывают и заучивают сказания, передают их следующему поколению. Иногда своими вопросами этнограф пробуждает в людях дополнительное внимание к самим себе. Это повышает в людях самооценку. В каком-то смысле этнограф — часть народа.

Я думаю, что некоторым народам повезло с этнографами. Хорошее партнерство — это залог совместного успеха. Важно, чтобы этнограф смотрел и видел глазами народа, плохо, когда он делает заинтересованный вид, а на самом деле интересуется собственной диссертацией. Тогда этот этнограф имеет отношение не к народу, а к диссертационному совету, обряды и обычаи которого он соблюдает. Настоящая этнография — не для ученого совета, а для широкого круга читателей, начиная с тех, о ком она написана. Это наука плюс искусство — создание портрета народа. Для полноты образа я использую не только науку, но и искусство (кино). Возможно, и этого недостаточно, поэтому мы в наших проектах стали применять сложную схему записи движения и кочевья, это новый язык. Во многом этот язык происходит из самой кочевой практики.

Этнограф должен открывать в культуре народа то, что дает ключ к мировым проблемам, мировым вопросам и перспективам. Адекватная

передача интересов народа — это обязательная программа, а вот открытие в культуре народа того, что может быть распространено на весь мир в качестве опыта, ценности или технологии, — это уже гениальная этнография, создающая шедевры этнокультурного наследия, объединяющая смыслы и задачи фундаментальной и прикладной науки.

Авторы статьи благодарят за интервью Андрея Владимировича Головнёва и выражают признательность за дружеские воспоминания и поздравления юбиляра Сергею Николаевичу и Галине Павловне Харючи, Елене Тимофеевне Пушкаревой, Григорию Петровичу Ледкову, Григорию Ивановичу Дюкареву.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов С. А. [От редактора] // Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 3–6.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.

Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.

Головнёв А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

Головнёв А. В., Лёзова С. В., Абрамов И. В., Белоруссова С. Ю., Бабенкова Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2014. 232 с.

Данилова Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое сообщество // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 116–123.

Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 8–80.

Андрей Головнев: «Кайф от движения и кочевья — это особая философия жизни». URL: <https://spb dnevn ik.ru/news/2020-06-25/andrey-golovnev-kayf-ot-dvizheniya-i-kochevyaya-eto-osoba ya-filosofiya-zhizni> (дата обращения: 01.12.2022).

Интервью А. В. Головнёва в программе «Россия, моя любовь!» URL: https://vk.com/video-11075646_166960252 (дата обращения: 01.12.2022).

«Путь к святылицу» (реж. А. В. Головнёв, 1997). Фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uqeQV3Vm jbs&t=3s> (дата обращения: 01.12.2022).

REFERENCES

Danilova E. N. [Provocation of the ethnic renaissance: about the influence of the researcher on the community under study]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 4 (65), pp. 116–123. (In Russian).

Golovnev A. V. [Ethnicity: Stability and Variability (Experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).

Golovnev A. V. [New ethnography of the North]. *Etnografya* [Etnografia], 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russian).

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya* [Anthropology of movement]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2009. (In Russian).

Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2015. (In Russian).

Golovnev A. V. *Govoryashchie kul'tury: tradicii samodiycey i ugrov* [Speaking Cultures: Samoyed and Ugric Traditions]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAS Publ., 1995. (In Russian).

Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Tundra nomads: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2004. (In Russian).

Golovnev A. V. *Severnost' Rossii* [Northernness of Russia]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2022. (In Russian).

Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: neneckie kochev'ya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethnoexpertise on Yamal: Nenets nomad camps and gas fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014. (In Russian).

Submitted: 20.12.2022

Accepted: 10.01.2023

Article published: 01.04.2023